

В диссертационный совет Д 212.101.18,
созданный на базе ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный университет»
(350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43)

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Бородиновой Татьяны Геннадьевны «Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации», представленной на соискание учёной степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 — уголовный процесс (научный консультант - Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук В. А. Давыдов). Москва, 2016. 455 с.

Сложившаяся в российском уголовном процессе система видов судебно-проверочного производства (апелляционного производства, кассационного производства, надзорного производства и производства по возобновлению уголовного дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств) представляет собой ряд обособленных правоприменительных циклов, контролирующих и корректирующих результаты правореализационной деятельности суда нижестоящей инстанции. Очевидно, что эффективность таковой деятельности во многом зависит от точности и согласованности нормативного определения формообразующих элементов каждого вида судебно-проверочных производств, к которым относятся объект, предмет, субъектный состав производства, способы и средства проверочной деятельности, основания для отмены и изменения приговора, пределы полномочий суда вышестоящей инстанции, виды принимаемых им решений. Между тем, существующая нормативная регламентация судебно-проверочной деятельности не лишена определенных недостатков в виде пробелов и противоречий. Это подтверждается отчасти и тем, что нормы гл. 45.1, 47.1, 48.1 УПК РФ за время своего непродолжительного действия (с 1 января 2013 г.) неоднократно изменялись и дополнялись, а их практическая реализация

потребовала соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ. Не менее пяти раз также вносились изменения и дополнения в статьи гл. 49 УПК РФ.

Один из явных недостатков в регулировании судебно-проверочного производства заключается в том, что в нем не учитывается различие между приговором и иными судебными решениями. Как следствие, нивелируется значение приговора как итогового решения особой юридической силы, выражающейся, в частности, в преюдиции (ст.90 УПК РФ). Приговор – единственный акт правосудия, юридическая и социальная значимость которого внешне подтверждается правовым символом (как средством правоприменительной техники) – указанием, что он постановляется именем Российской Федерации. Кроме того, именно приговору законодатель посвящает целую главу УПК РФ (гл.39), конкретизируя вопросы, разрешаемые в нем, определяя требования, которым он должен отвечать, порядок его постановления и способ оглашения. Ни одно иное процессуальное решение не получило такой детализации в законе.

Соответственно приговору, как правоприменительному акту, восстанавливающему нарушенный ход уголовно-правового регулирования общественных отношений, всегда уделялось и уделяется внимание в науке уголовно-процессуального права: вырабатывается его понятие, выявляется сущность, определяются содержание и значение его внутренних и внешних свойств, исследуется процесс формирования его фактической и правовой основы, с учетом которого приговоры классифицируются как постановленные в судебном разбирательстве общего порядка и в альтернативных формах судебного разбирательства. Иначе говоря, в науке уголовно-процессуального права сформировалось одно из его направлений – учение о приговоре как акте правосудия.

Однако этот теоретический пласт практически остался без должного осмысления, не послужив опорой для теоретической разработки вопросов проверки и пересмотра приговора и, как следствие, не был в полной мере учтен в нормативной регламентации апелляционного, кассационного, надзорного

производств и производства по возобновлению уголовного дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. К примеру, и приговор, и иное судебное решения называются актами правосудия (ст.401.6 УПК РФ). Кроме того, возможность обжалования в кассационном порядке иных судебных решений связывается с их вступлением в законную силу, то есть так же, как для приговора (ст.401.1 УПК РФ). Между тем, «вступление в законную силу» – юридически значимое состояние, характеризующее только приговор и обуславливающее активизацию его внешних свойств (исключительность, неопровержимость, преюдициальность). Конечно, есть и иные проблемы, не связанные с формальным приравнением приговора к иным судебным решениям.

Законодатель совсем недавно пришел к обозначению в ст.90 УПК РФ отличия гносеологической природы приговоров, постановленных в общем порядке, от приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства. Однако это различие никаким образом не было отражено в правилах проверки и пересмотра приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, если не считать недавнее дополнение в УПК РФ в виде специального основания для пересмотра таких приговоров в п.6 ст. 389.15, ст. 401.6, ч. 1 ст.401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ (Федеральный закон от 03.07.2016 N 322-ФЗ).

Остро дискуссионными являются вопросы об обоснованности ограничения проверки вступивших в законную силу приговоров (в сравнении с апелляционным порядком) выявлением ошибок в вопросах права (законности); о сдерживающем воздействии принципа правовой определенности на определение порядка обжалования и пересмотра вступивших в законную силу приговоров; о гарантиях свободы обжалования приговора; о бессрочности обжалования вступивших в законную силу приговоров, за исключением обжалования по основаниям, ухудшающим положение осужденного или оправданного; о полномочиях суда вышестоящей инстанции в аспекте оппозиции запрета поворота к худшему ревизионному

началу; об уточнении определения оснований для отмены приговора, при которых преодолевается запрет поворота к худшему, и другие проблемы.

Все это указывает на потребность комплексного исследования теоретических, законодательных и правоприменительных проблем проверки и пересмотра приговора.

В этой связи **актуальность темы диссертационного исследования, представленного Т.Г. Бородиновой, не вызывает сомнений.**

Нельзя сказать, что теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы проверки и пересмотра приговора не выявлялись и не исследовались в науке уголовно-процессуального права. Соискатель, обнаруживая научную добросовестность, указал и использовал в диссертации достаточно широкий круг научных работ, посвященных этой проблематике. В результате автор избрал свой **концептуальный подход, заключающийся в обосновании самостоятельности правового института пересмотра приговора, позволяющий комплексно исследовать теоретические и нормативно-правовые основания пересмотра приговора, учитывая его особое значение как акта правосудия. Соответственно, видится логичной определенная соискателем цель исследования как «разработка совокупности теоретических положений о пересмотре приговоров как о самостоятельном институте в системе современного уголовно-процессуального права Российской Федерации, с определением основных направлений его дальнейшего совершенствования» (стр.9-10).**

Предложенные в работе теоретические положения – те, что должны убеждать в обоснованности постановки вопроса о выделении в системе уголовно-процессуального права самостоятельного института пересмотра приговора. В этом плане соискатель исходит из главного – назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Вывод соискателя о том, что назначение уголовного судопроизводства обуславливает объективную необходимость пересмотра приговора и иных судебных решений (стр.42), понятен, поскольку регулирование процесса применения права предполагает

и возможность пересмотра незаконных и необоснованных правоприменительных решений. В этой связи интерес представляет суждение соискателя о локальной цели проверки и пересмотра приговора, обусловленной нерешенностью задач в стадии производства по делу в суде первой инстанции, что позволяет говорить о недостижении назначения уголовного судопроизводства (стр.34-40). Потому автор в вынесенном на защиту положении №1 (стр. 14) акцентирует правосстановительную суть деятельности суда вышестоящей инстанции, направленную на обеспечение защиты и восстановления прав и законных интересов частных лиц - сторон уголовного дела, нарушенных неправосудным приговором. Утверждение о правосстановительной миссии института пересмотра приговора не вызывает возражения, поскольку уголовно-процессуальные отношения, возникающие и развивающиеся в судебно-проверочных стадиях, носят восстановительно-охранительный характер, возвращая производство по делу в исходные регулятивные правовые отношения, которые были нарушены отступлением правоприменителей от требований норм уголовного закона и уголовно-процессуального закона в ходе правореализационной деятельности, в том числе и при постановлении процессуальных решений.

То обстоятельство, что ст.6 УПК РФ указывает справедливое наказание как один из аспектов назначения уголовного судопроизводства, соискатель использует как весомый довод в пользу идеи самостоятельного института пересмотра приговора, поскольку требование справедливости адресуется именно приговору. Отсюда вытекает и последующий вывод соискателя о необходимости «расширить предмет пересмотра приговоров в кассационной форме, включив в его структуру свойства справедливости и обоснованности приговора (как неотделимых от свойства его законности) в случаях нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств, которые повлияли на правильность установления судом фактических обстоятельств дела» (положение №13 – стр. 18). С такой трактовкой можно согласиться, так как в ней, в конечном итоге, речь идет о

неправильном применении норм уголовного закона о назначении наказания и, стало быть, о несоответствии приговора требованию законности, а также о нарушении уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела. В приведенном положении проверка обоснованности приговора увязана с выявлением нарушения уголовно-процессуального закона, но не сама по себе, как это предусмотрено для апелляционного пересмотра.

Необходимость проверки приговора на его соответствие требованию справедливости, по мнению соискателя, требует разработки новой модели пересмотра приговора (стр. 32). Потребность в такой модели соискателем обосновывается также тем, что действующий закон определено не разграничивает порядки пересмотра приговора и иных судебных решений, несмотря на их различие (стр. 44), а также не учитывает существующих особенностей постановления приговора в особом порядке судебного разбирательства и в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей (стр.49, положение №3 – стр.15).

Таким образом, предложенное в работе обоснование выделения института пересмотра приговора в первом приближении основывается на отраженной в законе дифференциации судебных решений и значимости приговора как акта правосудия (стр. 43 – 54). Вызывает ли это необходимость дополнения учения о приговоре за счет дальнейшего развития теории его пересмотра? Согласимся, что да. Полагаю, что соискатель увидел закономерность: углубление дифференциации вызывает и обратный процесс структурного развития системы права – интеграцию, а в рассматриваемом случае – институциональную интеграцию.

Соответственно, к наиболее значимому новому результату, отражающему достижение соискателем поставленной цели исследования, относится вынесенное на защиту положение №4 (стр.15). В нем констатируется теоретическое обоснование необходимости выделения самостоятельного уголовно-процессуального института пересмотра приговоров, под которым понимается совокупность норм, регулирующих

однородные общественные отношения, складывающиеся между судами различных инстанций, между судами и участниками уголовного судопроизводства в процессе пересмотра приговоров (стр.15). В силу емкости этого положения его детальное обоснование раскрывается в последующих положениях, вынесенных на защиту, а также в других выводах, изложенных в содержании работы. Отметим, что большинство выводов из числа, изложенных в содержании работы, но не вынесенных на защиту, могут быть также определены как новые положения, объясняющие логику формулирования теоретических положений, вынесенных на защиту.

Так, в работе высказывается ряд интересных суждений о правовом институте как элементе системы уголовно-процессуального права. Следует согласиться с автором, что в науке уголовно-процессуального права недостаточно разработаны единые теоретические подходы к определению системы уголовно-процессуального права, к выделению ее отдельных элементов в виде подотрасли и института. Автор отмечает, что «не верно считать, что нормы уголовно-процессуального права, регулирующие отдельную стадию, подлежат объединению в отдельный процессуальный институт» (стр.96). Действительно, такие нормы регулируют, казалось бы, обособленные отношения. Но такая обособленность неизбежна при стадийности уголовного процесса, как и любого вида юрисдикционного правоприменительного процесса. На взгляд оппонента, это не означает, что все уголовно-процессуальное право допустимо дробить на правовые институты.

Поскольку предлагаемый правовой институт все же связан с судебными стадиями, то для его выделения нужны убедительные аргументы, опирающиеся на методологический ресурс общей теории права. Одним из выдвигаемых аргументов в пользу идеи правового института пересмотра приговора выступает вывод соискателя, сформулированный с позиций положений общей теории права, о наличии специфических принципов у отдельных правовых институтов, в том числе и у правового института

пересмотра приговора. Соискатель выделяет эту группу принципов, называя их институциональными (стр.76 – 85; вынесенное на защиту положение 5. – стр. 15). Следующий аргумент выдвигается в виде обоснования возможности определения теоретической модели структуры предлагаемого правового института. В неё входят: объект, предмет, субъекты, юридические факты, повод и основания возбуждения производства по пересмотру приговора; основания отмены; пределы рассмотрения; специфические особенности процедуры пересмотра приговора; процессуальные особенности принятия решений субъектами пересмотра; требования к содержанию и форме приговора (стр.101-103).

Принципы, предпосланные выделенному институту, и его структура, как видится из рассуждений соискателя, должны получить в УПК РФ соответствующее нормативное выражение в виде отдельной части УПК РФ «Производство по проверке и пересмотру приговоров и иных судебных решений», включающей главы: «Принципы пересмотра судебных решений», «Пересмотр приговоров, не вступивших в законную силу», «Пересмотр приговоров, вступивших в законную силу», «Пересмотр иных итоговых судебных решений», «Пересмотр промежуточных судебных решений по уголовному делу». При этом в главы, посвященные пересмотру приговора, диссертант обоснованно предлагает включать статьи, положения которых определяли бы особенности пересмотра приговоров, постановленных в альтернативных формах судебного разбирательства. (стр.115-116, положение № 20 – стр.20.)

Предложенная соискателем композиция нормативного материала обоснована всем содержанием работы, потому не вызывает возражений. Подобное направление совершенствования юридической техники применительно к нормам предложенного правового института представляется полезным, т.к. облегчает постижение содержания его норм, четче проявляет их системность и взаимосвязь, что имеет практическое значение для точного

толкования их требований и, кроме прочего, позволяет в необходимых случаях увидеть возможность для применения аналогии закона.

При характеристике деятельности вышестоящего суда, который автор считает единственным субъектом пересмотра приговора, определены цель, задачи и методы пересмотра приговора (стр.210; стр.171-194, 195). Предложенные определения цели и задач пересмотра приговора представляются вполне обоснованными (Положении №11 – стр.17). Надо сказать, что цель в виде «приведения приговора суда в соответствие с требованиями материального и (или) уголовно-процессуального закона» согласуется с утверждением автора о правовосстановительной миссии суда вышестоящей инстанции, выказанном им ранее при интерпретации влияния назначения уголовного судопроизводства на диапазон полномочий такого суда (Положение № 1 – стр. 16; стр. 35-37). А основные задачи определены таким образом, что позволили автору выявить существо соответственно *проверки* и *пересмотра*, а также их различие и взаимосвязь (стр. 175 – 177). Заметим, что этому вопросу в науке уголовно-процессуального права практически не уделено должного внимания, потому подчеркнем оригинальность предложенного разграничения понятий «проверка» и «пересмотр». Линия разграничения между этими понятиями, по мысли автора, лежит в методах, присущих соответственно «проверке» и «пересмотру». Проверка характеризуется общенаучными методами, находящимися вне процессуальной формы (сравнение, анализ и обобщение и др.), а пересмотр – сугубо специальным, уголовно-процессуальным методом ревизии (стр.190).

Отметим, что последний вывод – новый для учения о судебном проверочных производствах, хотя и небесспорный. Так, ревизия понимается не в статусе одного из начал (ревизионное начало), проявляющего действие принципа публичности, и традиционно относимого в науке уголовно-процессуального права к процессуальному режиму проверки и пересмотра судебного решения. Ревизии придается статус уголовно-процессуального метода, который представлен как новая категория науки уголовно-

процессуального права, что и отражено в положении № 12 (стр.17). При этом заметно, что речь идет не об отраслевом методе уголовно-процессуального регулирования – императивном.

Наряду с положениями о характере и методе деятельности вышестоящего суда, в работе выводится понятие «внутренние элементы деятельности вышестоящих судов, направленной на пересмотр приговоров» (стр.197, 200 – 211). В частности, соискатель относит к ним объект и предмет пересмотра приговора. Не касаясь в этой части отзыва предложенной автором трактовки объекта и предмета пересмотра приговора (об этом выскажемся в замечаниях), отметим, что соискатель убежден, что к приговорам, постановленным в особом порядке судебного разбирательства, может и должно предъявляться требование обоснованности в плане проверки добровольности заключения соглашения о сотрудничестве с обвиняемым, (стр.208); «добровольности и осознанности ходатайства подсудимого о проведении судебного разбирательства в особой форме и обоснованности предъявленного обвинения», по результатам которых должен формироваться вывод об обоснованности приговора суда первой инстанции (стр.340).

С позицией соискателя следует согласиться, но с уточнением, что в данном случае речь идет, прежде всего, о соблюдении судом первой инстанции норм уголовно-процессуального закона.

В то же время как положение, отличающееся новизной, следует отметить предложение автора о нормативном определении критериев обоснованности таких приговоров через «проверку выполнения подсудимым или иными субъектами определенных уголовно-процессуальных действий, дополнительных условий» (стр.208). Надо заметить, что именно в таком русле развивается законодательство, о чем свидетельствует отмеченное выше новое основание для пересмотра таких приговоров – «несоблюдение лицом условий и невыполнение им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве», которым дополнены ст. 389.15, ст. 401.6, ч. 1 ст.401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ (Федеральный закон от 03.07.2016 N 322-ФЗ).

Данная новелла подтверждает обоснованность предложения соискателя о необходимости дифференцированного подхода к нормативному регулированию порядков пересмотра приговора, а именно выделения особенного вида пересмотра приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства (Положение №10 – стр.17). К особенному виду пересмотра приговора соискатель относит и порядок пересмотра приговора, постановленного на основании вердикта присяжных заседателей. Смысл же выделения этого вида, как следует из работы, заключается в нормативном установлении дополнительных гарантий для восстановления прав и законных интересов личности, нарушенных неправосудным приговором (положения 14 и 17 – стр.18,19).

Таким образом, тезис о дифференциации видов пересмотра приговоров в зависимости от порядка судебного разбирательства, в которых они постановлены, а также обоснование этого тезиса – один из значимых результатов исследования (положение №10 – стр. 17). Заметим, что соискатель не предпосылает этим видам пересмотра приговора определений «общий» и «особенный», но это вытекает из содержания гл.5 и гл.6 диссертации. В этих разделах диссертации автор предпринимает анализ нормативного регулирования указанных видов пересмотра приговоров в ключе «сущее и должное». При этом общий вид пересмотра приговора рассматривается применительно к каждой форме пересмотра - апелляционной, кассационной, надзорной формам и форме производства возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (стр. 234-321).

По организации и порядку деятельности в перечисленных формах пересмотра приговора в работе сформулирован ряд отличающихся новизной выводов и предложений: о необходимости апелляционного пересмотра приговора только коллегиальным составом судей, а иных судебных решений – единолично судьей (стр.243, положение №15- стр.18 - 19); об уточнении положений п. 1 ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ путем включения апелляционного

приговора в число судебных решений, пересматриваемых в кассационном порядке (стр. 257); об определении основания для истребования материалов уголовного дела судьей суда кассационной инстанции (стр. 275); о закреплении права председателей областных и приравненных к ним судов отменять «отказные» решения судьей суда кассационной инстанции с передачей материалов с уголовным делом в соответствующий суд кассационной инстанции (стр.277); об конкретизации полномочий прокурора в судебном заседании суда кассационной инстанции в виде обязанности давать заключение (стр. 287); о коллегиальном рассмотрении вопроса о возобновлении производства по уголовному делу в отношении приговора мирового суда президиумом областного суда и приравненных к ним судов (стр. 310); о нормативном определении процессуального статуса Председателя Верховного Суда РФ как участника уголовного процесса (стр. 310,320).

В ряду этих предложений автор также высказывается за ограничение кассационного пересмотра приговоров, постановленных мировыми судьями, районными и гарнизонными военными судами, одной кассационной инстанцией – президиумами областных и приравненных к ним судов (стр. 267, положение 18 – стр.19.). С этим положением согласимся только в части пересмотра приговоров мировых судей. Действительно, прав соискатель, отмечая, что приговоры по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, в целом не характеризующиеся фактической и правовой сложностью, становятся предметом пересмотра Верховным Судом РФ. Кроме того, мировой судья – суд субъекта Российской Федерации, имеющий некоторые черты институциональной обособленности (порядок избрания или назначения мировых судей, распределение их по судебным участкам и др.), которые должны детерминировать и особенности в порядке пересмотра его решений в виде установления для них предельной инстанции – президиума суда уровня субъекта Российской Федерации.

Содержателен и результативен раздел диссертации, посвященный нормативному регулированию особого вида пересмотра приговоров,

постановленных в альтернативных формах судебного разбирательства (гл. 6 диссертации). В нем соискатель формулирует ряд предложений по преодолению выявленных несовершенств регламентации пересмотра приговора, постановленного в особом порядке судебного разбирательства.

Так, автор полагает необходимым «включить в ч. 4 ст. 413 УПК РФ дополнительное новое обстоятельство – сообщение обвиняемым ложных сведений или умышленное сокрытие им от следствия каких-либо существенных сведений, которые повлияли на вынесение приговора в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (стр. 348). Данное предложение актуально в связи с уже отмеченным новым основанием – «несоблюдение лицом условий и невыполнение им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве», поскольку сходно с ним. Однако, законодатель ввел это основание для всех форм пересмотра приговора, кроме возобновления производства по делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Позиция соискателя, предпосылающая рассматриваемое основание именно для этой формы пересмотра приговора, представляется обоснованной. Это основание уместнее рассматривать как новое обстоятельство, а не как судебную ошибку, допущенную судом в особом порядке судебного разбирательства. Речь идет о недобросовестном поведении подсудимого как стороны соглашения о досудебном сотрудничестве, о притворности взятых им обязательств, а не о правореализационной ошибке суда. Так или иначе, упомянутая новелла подтверждает позицию соискателя о том, что есть еще резервы для совершенствования норм, регулирующих проверку и пересмотр приговора. Об этом свидетельствуют и иные предложения соискателя по совершенствованию уголовно - процессуального законодательства (Приложение №1 – стр. 433-437).

Все эти выводы и предложения заслуживают внимания, поскольку наполняют предложенный соискателем правовой институт пересмотра

приговора максимально согласованными нормами, усиливают гарантии юридической надежности выводов суда вышестоящей инстанции.

В целом изучение диссертации убеждает в высокой степени **обоснованности, достоверности и новизне** сформулированных теоретических положений и выводов, а также рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Достоверность научных результатов Т.Г. Бородиновой обеспечена методологией исследования, использованным комплексом методов научного познания с пояснением их роли для решения конкретных задач, широким кругом проанализированных теоретических источников (теоретическая основа), достаточной эмпирической базой.

Результаты исследования прошли **необходимую апробацию**. Они отражены в опубликованных соискателем научных работах общим объемом 66, 2 п.л (4 монографии, 9 учебно-методических пособий, 55 научных статей, из которых 23 опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации); обсуждались на 14 международных, 7 всероссийских научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах, проведенных в различных регионах страны и в зарубежных странах; внедрены в учебный процесс ряда юридических вузов, а также в процессе повышения квалификации судей Краснодарского краевого суда, Верховного суда Республики Бурятия, Верховного суда Республики Адыгея.

Автореферат диссертации адекватно отражает главные идеи и выводы автора.

Вместе с тем, несмотря на наличие аргументированных выводов, положений и предложений, работа, как результат любого творческого труда, содержит дискуссионные положения, по которым могут быть высказаны следующие замечания:

Замечание 1. Видится непоследовательность в определении объекта и предмета проверки приговора. Так, на стр. 199 указывается, что объект

представляет собой приговор «с позиций проверки (познания) его внутренних свойств и внешней формы. Иными словами, можно сказать, что вышестоящий суд проверяет в целом процедуру формирования (постановления) приговора». Но на стр. 200 соискатель указывает, что объект – приговор, представляющий собой внешне выраженное в форме процессуального акта, итоговое мотивированное судебное решение по уголовному делу (стр. 199). Словом, юридический документ. Иначе говоря, в качестве объекта рассматривается приговор в отрыве от его свойств законности, обоснованности, справедливости, потому что собственно предметом соискатель определяет именно эти свойства приговора (стр.203). Но соискатель был бы прав, если бы не отходил в дальнейшем от утверждения, что объект - в «целом процедура формирования (постановления) приговора» (стр.199), что равнозначно всей правореализационной деятельности суда нижестоящей инстанции, в процессе которой сформировались фактическая и юридическая основы приговора как правоприменительного акта. Однако, уже на стр. 205 соискатель пишет: «свойства приговора (законность, обоснованность, справедливость) и судебная деятельность нижестоящих судов, в совокупности, образуют **предмет** уголовно-процессуальной деятельности вышестоящих судов». Необходимо уточнение, что собственно является объектом пересмотра приговора?

Замечание 2. В положении №5 (стр.15-16) приводится система принципов, формирующих основу правового института пересмотра приговора. Не думается, что оправдано включение в неё принципа равных процессуальных возможностей защиты прав и законных интересов в процессе пересмотра приговоров. В отличие от иных принципов, выделенных соискателем, он является проявлением принципов, относимых ко всему уголовно-процессуальному праву, а именно равенства перед законом и судом, а также состязательности (ст.19, ч.3 ст.123 Конституции РФ, ч.4 ст.15 УПК РФ). В силу этого данный принцип не может быть определен как специфичный принцип предложенного правового института.

Замечание 3. Вряд ли может притязать на новизну вывод о «практически полном тождестве институтов пересмотра приговоров в кассационной и надзорной формах пересмотра приговоров, позволившем определить эти институты как единый кассационно-надзорный» (Положение №19 – стр. 18; стр.375). Это – констатация очевидного положения. Предпочтительнее было бы определенно высказаться по вопросу о необходимости сохранения пересмотра приговора в надзорном порядке, в том числе и в свете принципа правовой определенности и принципа презумпции истинности (соискатель использует понятие «правосудности») приговора, раз они введены соискателем в число принципов предложенного правового института.

Замечание 4. Это комплексное замечание. Не вызывает возражений утверждение, что проблема определения содержания и места закрепления принципа правовой определенности не нашла решения (стр. 149). Однако предложенный соискателем выход в виде того, что определенность приговора в смысле устойчивости должна означать отсутствие мотивов и существенных оснований для его обжалования и соответственно его отмены (стр.151), не кажется достаточно обоснованным. Отсутствие мотивов и существенных оснований для обжалования и отмены приговора – свидетельство законности и обоснованности приговора. Правовая определенность – это иное положение, заключающееся в признании окончательности разрешения уголовного дела по существу и необходимости «консервации» выводов приговора по вопросам факта. Поэтому доказывание при проверке приговора допускается только в суде второй инстанции, да и то с определенными ограничениями (ч.6.1 ст. 389.13 УПК РФ). В формах кассационной и надзорной проверки приговора доказывание обстоятельств вмененного обвинения, как известно, не допускается именно в связи с отмеченным принципом. Потому же неотмененный приговор суда первой инстанции или новый апелляционный приговор считаются окончательными не столько потому, что вступили в законную силу, но еще и потому, что их определенность по вопросам факта обоснована результатами доказывания в суде первой и второй инстанции, то

есть надежно. В противном случае теряет смысл такое юридическое состояние приговора как «вступление его в законную силу» и, следовательно, вся обновленная модель пересмотра приговора по действующим нормам гл. гл. 45.1, 47.1, 48.1 УПК РФ. Но даже если принять предложенную соискателем модель, основанную на широком понимании свойства законности приговора с неотъемлемым от него свойством обоснованности, то что тогда делать с преюдицией (ст.90 УПК РФ) и с презумпцией истинности приговора? И та, и другая в силу неограниченности срока обжалования и возможности неоднократного пересмотра приговора по фактическим основаниям станут просто лишними.

Высказанные замечания касаются, безусловно, дискуссионных вопросов, не ставят под сомнение обоснованность выводов и предложений соискателя и не влияют на общую положительную оценку диссертации.

Докторская диссертация на тему «Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации» по своему содержанию и форме отвечает требованиям п.9-11, 13 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. (в ред. Постановления Правительства РФ от 08.02.2016 №748), является самостоятельным исследованием, содержащим совокупность новых научных результатов и положений, имеющих внутреннее единство, свидетельствующих о завершённости работы и личном крупном вкладе автора в уголовно-процессуальную науку, а её автор – Бородинова Татьяна Геннадьевна – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 — уголовный процесс.

Профессор кафедры уголовно - правовых дисциплин
Волгоградского филиала ФБГОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации» доктор юридических наук,
доцент Аширбекова Мадина Таукеновна

Копию отзыва получил

«___» _____ 20__ г.

Соискатель

400131. Волгоград, Гагарина , 8.
e-mail: madina.55@mail.ru
тел.: 8-905-395-86-91

